

От Эго и Альтера к сообщению информации¹

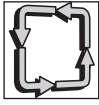
А.Ю. АНТОНОВСКИЙ

Я абсолютно согласен с подходом Натальи Михайловны в том, что у *коммуникативной* программы обоснования знания есть серьезный *эвристический* потенциал в области эпистемологии. Для большей понятности я бы хотел кратко развить и радикализовать этот тезис, а потом высказаться по существу развиваемого Натальей Михайловной социально-феноменологического подхода.

С моей точки зрения, коммуникативная теория и эпистемология структурно изоморфны. Знание – в его пропозициональной форме – манифестировано в виде истинных, обоснованных убеждений, включенных в особую пропозициональную установку: предложение «Я знаю, что идет дождь», очевидно, состоит из пропозиции «идет дождь» и обрамляющей установки «я знаю (убежден), что...». И то, и другое (полнос пропозиции, имеющей истинностное значение, либо полюс факта убежденности в этом) может извлекаться в качестве информации и далее проблематизироваться.

Но и коммуникация состоит из сообщения, т.е. целостного предложения «Я убежден, я надеюсь, я желаю, чтобы шел дождь» и извлекаемой из нее информации. И исключительно делом вкуса или конкретного исследовательского интереса является то, следует ли включать в эпистемологические исследования более широкие – значимые для коммуникативной теории – пропозициональные установки: такие модусы *презентации знания*, как надежда, страх, желание («я надеюсь, что...»), «я желаю, что...», «я опасюсь, что...») или ограничиться объективистскими модусами презентации знания («я знаю...», «я убежден, что...»).

¹ Статья написана при поддержке РГНФ, проект № 10-03-00085а.

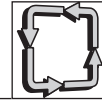
Собственно, эти многочисленные коммуникативные формы презентации знания, которые можно назвать *сообщениями* знания, и есть те культурные универсалии, составляющие комплекс, который Наталья Михайловна называет интересубъективностью. Понять своего собеседника по коммуникации и означает реконструировать такую установку применительно к его сообщению.

Однако в отличие от Натальи Михайловны я не считаю, что реконструкция Другого есть результат «вчувствования» в чужое сознание, чего зачастую требуют феноменологи. Реконструкция «интерсубъективного» понимания обеспечивается через обращение к культурным, зачастую латентным паттернам, жестко фиксированным в языке. И именно поэтому коммуникация (и значит, социальные связи) *все-таки* как-то явлены в эмпирической, чувственной форме: я *слышу* или *читаю* коммуникативное сообщение, хотя подлинный смысл, т.е. информация, извлекаемая сознанием второго коммуниканта, остается непрозрачной, поскольку таковым остается для меня само его сознание. У этой дуальности эмпирически доступного сообщения (установки) и непрозрачной информации есть своя особая функция².

Из первого вытекает и второй тезис Натальи Михайловны: *общество, социальные связи (степени солидарности) не доступны наблюдению, и в этом действительно кроется ключевая трудность коммуникативной программы обоснования знания*. В этом смысле Н.М. Смирнова, как и Ч.Х. Кули, полагает, что социальные связи *не даны в чувственном опыте*, но «живут в социальном воображении людей», занимающих различные позиции в социальном пространстве³. И среди этих позиций, как полагает Н.М. Смирнова, нет «привилегированной позиции абсолютного наблюдателя – социального теоретика. И чем глубже его укорененность в массиве определенных социальных практик, тем выше зависимость теоретического описания от социально детерминированного ракурса интерпретации».

² В противном случае каждое сознание продолжалось бы в другом сознании. Не было бы контингентности – свободного, но понятного (т.е. согласованного с ожиданиями) извлечения информации из сообщения (= приписывания смысла, мотива, установки тому или иному прозвучавшему предложению). Если бы у одного сознания наличествовал доступ к другому сознанию, понимание как различение возможностей было бы невозможно: означающее и означаемое совпадали бы, смысл знака (лишь одна из массы его избыточных интерпретаций) не отличался бы от самого знака. Все сказанное, подуманное и воспринятое составляло бы неразрывное единство, не допуская отклонений и не требуя понимания (= отличия друг от друга). Именно непрозрачность сознания оказывается фундаментальным условием понимания, а вовсе не его прозрачность и доступность для интерпретаций, как это кажется на первый взгляд.

³ Вообще то, что может быть обозначено пресловутым понятием «отношения», чрезвычайно трудно зафиксировать. Э. Дюркгейм выходил из этой сложности тем, что требовал фиксировать «эффекты» социальных связей (подобно тому как траектории непосредственно не наблюдаемых частиц могут быть прослежены по их следам в пузырьковой камере). Таким эффектом (усиления или ослабления) социальных связей служит, например, относительная частота самоубийств или криминальных актов.

ОТ ЭГО И АЛЬТЕРА К СООБЩЕНИЮ ИНФОРМАЦИИ

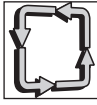
Соглашаясь с фактом наличия равноправных позиций наблюдения, я бы уточнил лишь то, что наблюдателем должен выступать не (только) человек или его сознание, а скорее специфический тип коммуникаций. Таким наблюдателем выступают, например, научно-социологические коммуникации, в ходе которых описывается общество, или религиозные коммуникации, которые под иным углом зрения описывают то же самое общество.

Мы подошли к третьему тезису Натальи Михайловны, точнее – к выдвигаемому ею требованию «эксплицировать теоретические основания репрезентации социального как intersubjectивности высшего порядка». Как мне представляется, Н.М. Смирнова под теоретическими основаниями имеет в виду своего рода кантовские условия возможности рецепции объектов, в данном случае условия возможности наблюдать общество. Intersubjectивность и есть такое условие возможности наблюдения (репрезентации) общества. Оно-де должно заменить (опосредовать) противопоставление субъектного и объектного. Если у Канта в качестве таковых выступали пространство и время, то у Н.М. Смирновой это гуссерлевские «*трансцендентальные предпосылки понимания в социальном мире, когнитивные основания коммуникаций*», система совместно разделяемых социально-групповых значений». «Именно это “само собой разумеющееся”, неявное знание (tacit knowledge) составляет когнитивную основу взаимопонимания, как и интеграции локальных социокультурных сообществ», да и общества как такового, – добавим мы.

Здесь я бы хотел выделить свою позицию по отношению к такому подходу.

Мне представляется, что пришло время отказаться от разделяемого Натальей Михайловной традиционного (гуссерлевско-шюцевского) понимания социальности (конституирования «Альтер Эго», «Ты-субъективности»), согласно которому человек в его восприятии вначале вступает в когнитивный контакт с внешним миром, в котором помимо прочих вещей обнаруживает «объекты» особого рода, отличные от вещей и похожие на Эго, и теперь каждый раз учитывает это различие. Ведь теперь его познание гарантируется дважды: как собственное и как повторяющееся из перспективы другого, Альтера, который тоже учитывает это различие, в свою очередь повторяющееся в перспективе Эго. Когнитивный контроль над внешним миром восприятия обеспечивается-де полнее через «удвоенное» восприятие. Пусть даже эту «вторую» перспективу Альтера конструирует для себя все-таки сам Эго.

Но вопрос в том, как же все-таки Эго может пережить то, что переживает Другой. Ведь он в лучшем случае может пережить лишь то, что Другой *переживает*, но никак не то, что переживает Другой. В вопросе так называемой *intersubjectивности* традиционным ис-

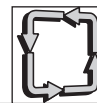

ходным пунктом был факт сознания, вчувствования, переживания чужого переживания. Но если коммуникативная теория берет за исходный пункт коммуникацию, то важнейшим различием является различие *сообщения* и *информации сообщения*.

Сознание Эго, его переживание реконструируется Другим через «гипостазирование» типовых сообщений: «пропозициональных установок» страха, желания, знания, веры, выкристаллизовавшихся и утвердившихся в процессе длительных коммуникаций. Мы различаем фактически прозвучавшее предложение (выборку слов, означающее) и его индивидуальный распознаваемый в сообщении смысл (информацию, мотив, интерпретацию, действительное положение дел, означаемое). Этот смысл мы – без каких бы то ни было гарантий – можем лишь приписать переживанию Альтера. Но в действительности это остается конструкцией Эго, а фактически – самой коммуникации, потому что уже миллионы раз до этого имели место коммуникации в виде предложений «я боюсь», «я хочу», «я знаю», которые «сконденсировались» в виде народной психологии и установок «страха», «желания», «полагания», «надежды». Такая психология, как показал Деннет, именно потому и является «народной», что оказывается стихийно возникшей «теорией» чужого поведения, приписывания ему устоявшихся коммуникативно-акцептируемых оценок.

Несмотря на очевидность «народной психологии» в приписывании чужому сознанию знания и установок, именно здесь возникает «двойная контингенция» – ненеобходимый характер в интерпретации переживаний чужого сознания при коммуникации Эго и Альтера. Всегда имеет место фактическое сравнение предложения (сообщения) и ненеобходимо извлекаемого из него смысла на предмет их согласованности и как следствие – *понятности*, причем всегда в контексте той или иной актуальной коммуникации. Лишь тот или иной характер коммуникации делает понятным сообщение «предложения» и его информативную интерпретацию. *Страх* приписывается сообщению на войне, а *желание* в системе интимных коммуникаций. *Понятность определяется не вчувствованием в сознание, а коммуникативным контекстом прозвучавшего предложения, т.е. тем, в какой системе коммуникаций осуществляется сообщение информации.*

Поэтому появление *Альтер Эго* (то, что когда-то назвали интерсубъективностью) не является следствием эмфатических способностей «переживания чужого переживания». Оно вытекает из коммуникативного различия *сообщения* и *информации*. Сознание Другого реконструируется Эго в виде набора диспозиций, установок, понятных только через коммуникацию и возникших (сконденсировавшихся) только через коммуникацию. *Понимание* Другого Эго становится возможным через различие *сообщения* и *информации*. Эго понимает Другого, если сравнивает на предмет согласованности то, что явля-

ется общим для Эго и Альтера (т.е. пропозициональную установку, сообщение, языковую реальность, означающее), и то, что непрозрачно и, следовательно, допускает различие, а именно, извлекаемую информацию или смысл сказанного. *Различение сообщения и извлекаемой информации есть первичное основание для различения Эго и Альтера.*

Но эта же структура коммуникации *сообщение/информация* диктует условия познания: различие вещи и человека, субъекта и объекта возможно только потому, что раньше в коммуникации уже осуществилось различие *с кем/о чем*, различие между человеком (а фактически – набором диспозиций, установок, возможных сообщений) и смыслом или содержанием этих сообщений.